

Развитие учения о принципе относительности обязательств в российском и европейских правовых порядках: на пути реконцептуализации

Григорьева Светлана Николаевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: grigorievas1999@yandex.ru

Принцип относительности обязательств является фундаментальным принципом обязательственного права в современных правовых порядках.

В российском праве принцип относительности обязательств нормативно закреплен в п. 3 ст. 308 ГК РФ, согласно которому *обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)*. Нормативное содержание принципа относительности обязательств развивается в судебной практике, которая дополняет его следующим наполнением:

- на третье лицо не может быть возложен риск ненадлежащего исполнения обязательств стороной договора [n1];
- третье лицо не вправе ссылаться на возражения из чужой обязательственной связи [n2];
- порочность отношений между сторонами обязательства не должна негативно влиять на положение третьего лица [n3] и др.

В сравнительно-правовом аспекте принцип относительности обязательств (*privity of contract*) является актуальной темой для научно-практических дискуссий прежде всего в Великобритании, где в 1999 году был принят Закон о договорах (Правах третьих лиц), которым была осуществлена полномасштабная реформа принципа относительности обязательств.

В результате принятия Закона о договорах (Правах третьих лиц) третье лицо получило ограниченное право на иск из «чужого» обязательства, в частности, в случае, когда условия договора *предполагают* предоставление блага третьему лицу. При этом, должно быть установлено, что третье лицо приобретает благо не в результате побочного эффекта от исполнения обязательства, а в результате того, что предоставление блага охватывалось целеполаганием сторон договора.

Причиной реформирования принципа относительности в Англии стало неудовлетворительное состояние законодательного материала и судебной практики, которая была вынуждена *ad hoc* выработать систему исключений из принципа относительности обязательств с той целью, чтобы не допустить несправедливого исхода судебного разбирательства [n4].

Отправной точкой эволюции принципа относительности обязательств в Германии и отхода от его ригидности стало появление в немецком правовом порядке категории договора в пользу третьих лиц, которая в сопряжении с гибкостью § 328 ГГУ позволило добиться эффекта гибкости норм об относительности обязательственной связи.

Параграф 328 ГГУ определяет, что наделение третьего лица правами, вытекающими из обязательства сторон, производно, или, иными словами, *вторично* воле сторон указанного обязательства. На это указывает абз. 2 § 328 ГГУ, который гласит, что в отсутствие прямого указания сторонами обязательства на то, приобретает ли третье лицо права из данного обязательства, указанный вопрос решается [судом] на основании предмета договора и «сопутствующих обстоятельств».

Аналогично английскому подходу, в Германии первостепенную роль в вопросе надения третьего лица правами из обязательства, в котором оно не участвует, играет воля сторон. В случае отсутствия явно выраженной воли сторон полномочие определять, надено ли третье лицо правами по обязательству, переходит к суду, который осуществляет толкование условий договора. Ограничительными рамками такого толкования выступают, с одной стороны, поиск справедливого и разумного решения, а с другой - ряд опровержимых презумпций, установленных ГГУ [п5].

Первое, о чем необходимо сказать, обращаясь к французскому опыту развития концепции относительности обязательств, - это то, что Франция не стала исключением из общего вектора на либерализацию указанного принципа.

Правовым инструментом для расширения границ относительности обязательственной связи во французском правопорядке служит, в первую очередь, т.н. прямое требование / иск по обязательству, которое можно определить как возможность, предоставленную третьему лицу, от своего имени и за свой счет осуществить действия в отношении должника, вытекающие из обязательства, стороной в котором является данный должник [п6]. При этом, прямые требования допускаются как в форме требования осуществить действия в пользу третьего лица, который становится на место фактического кредитора должника (*action en paiement*), так и в форме привлечения должника к ответственности за неисполнение возложенных на него обязанностей (*action en responsabilit é / en garantie*).

Однако, что немаловажно, ФГК предусматривает, что прямое требование возникает у третьего лица только в том случае, если такая возможность прямо предусмотрена ФГК¹, что равносильно запрету на расширение сферы прямых требований судебной практикой [п7].

Тем не менее, та легкость, с которой французский правопорядок признает и законодательно закрепляет прямое требование третьего лица, является отличительной чертой ФГК в сравнении с тем, как этот вопрос урегулирован в Великобритании, Германии и России.

Итогом анализа современных тенденций развития учения о принципе относительности обязательств является однозначный вывод о том, что ведущие правопорядки идут в унисон по пути расширения границ обязательственной связи за счет допущения распространения на третьих лиц, первоначально не участвовавших в создании обязательства, отдельных прав и обязанностей, порождаемых указанным обязательством.

¹ Например, право принципала требовать исполнения обязательств субагентом (ст. 1994 ФГК).

Источники и литература

- 1) Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021).
- 2) Определение СКЭС ВС РФ от 15.07.2021 № 307-ЭС21-2116 по делу № А56-138387/2018; Постановление АС Уральского округа от 17.05.2021 № Ф09-4645/18 по делу № А34-8468/2017; Постановление АС Московского округа от 18.11.2021 № Ф05-7871/2020 по делу № А40-264766/2018.
- 3) Постановление АС Западно-Сибирского округа от 20.10.2022 № Ф04-2464/2020 по делу № А03-20903/2018.
- 4) McKendrick E., Liu Q. Contract Law: Australian Edition. – 2016. С. 113, 117-119.
- 5) Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. C. The German law of contract: A comparative treatise. – Bloomsbury Publishing, 2006. С. 181-182, 197-199.

- 6) Storme M. E. A Civilian Perspective on Network Contracts and Privity //Geo. Wash. L. Rev. – 2017. – Т. 85. – С. 1739.
- 7) Cartwright J., Whittaker S. (ed.). The Code Napoléon Rewritten: French contract law after the 2016 reforms. – Bloomsbury Publishing, 2017. С. 236-237.